

вычайно тонко уловил особенности тютчевского поэтического взгляда на мир, стихию его поэзии.

Таким образом, в период обострения идейной борьбы, когда представители антидемократического лагеря стремились увести литературу из «стана погибающих за великое дело любви», провозгласив процесс художественного творчества исключительно подсознательным, Некрасов требовал от поэзии мысли, активной позиции художника. Некоторые исследователи называют Некрасова «литератором-практиком», который, в отличие от Пушкина, предоставил теоретические вопросы своим «надежным идейно-политическим и эстетическим единомышленникам»³. Действительно, сотрудничество на страницах «Современника» с Чернышевским и Добролюбовым, а затем в «Отечественных записках» с Салтыковым-Щедриным, Писаревым и Михайловским в значительной степени освобождало поэта от постоянного выступления по проблемам эстетики и литературной критики. И все же теоретические вопросы не оставались вне поля зрения Некрасова.

¹ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем, 1950, т. 9, с. 191. В дальнейшем все ссылки на это издание даются в тексте статьи в скобках, с указанием тома (римские цифры) и страницы (арабские).

² Современник, 1855, № 2, с. 37.

³ Сквозников В. Д. Реализм лирической поэзии.— М., 1975, с. 354.

Н. А. БУЛАЦКАЯ

С. М. СТЕПНЯК-КРАВЧИНСКИЙ О Л. Н. ТОЛСТОМ

«Среди писателей всех времен лишь немногим удавалось приобрести в короткий срок такую власть над сердцами и мыслями своих современников, как графу Толстому»¹. Эти слова принадлежат видному революционеру-народнику и талантливому писателю С. М. Степняку-Кравчинскому. Он глубоко уважал Л. Н. Толстого как человека. Восхищался им как художник. Не во всем соглашался с Толстым-философом. Редактируя орган «Фонда вольной русской прессы» газету «Свободная Россия» и участвуя в выпуске периодического издания «Летучие листки», С. М. Степняк-Кравчинский смело предоставляет их страницы для выступлений великого писателя. Именно «Фондом вольной русской прессы» в конце ноября 1895 года была напечатана статья «Гонения на духоворцев с заключением графа Л. Н. Толстого»². Несколько позднее было опубликовано предисловие Толстого к книге Е. И. Попова «Жизнь и смерть Евдокима Никитича Дрожжина». Л. Н. Толстой выступает здесь против преследования царским правительством тех, кто осмелился противопоставить свои взгляды власти и официальной церкви (духоборы, штундисты и другие сектанты).

Несмотря на преклонение перед гражданской и человеческой смелостью Толстого, выступившего в защиту духоборов, С. М. Кравчинский не во всем с ним согласен и пишет критическое предисловие к первой статье писателя. Следует сказать, что Степняк был знаком с жизнью сектантов не понаслышке. Весной 1874 года он попал в секту молокан. Хотя ему и не удалось повернуть оппозиционность сектантов на путь борьбы за социальные преобразования, их жизнь в какой-то мере нашла отражение в романе «Штундист Павел Руденко» (издан в Женеве в 1900 году). Роман Кравчинского гневно обличал самодержавие, казенное духовенство. Симпатии писателя и в романе, и в предисловии к статье Толстого явно на стороне «беззащитных жертв кровавого издевательства» (309). Но «чувство человеческого достоинства и простой бесхитростной любви к нашему народу» (309) не позволяет С. М. Степняку-Кравчинскому согласиться с верой Толстого в «братское» отношение власти имущих к простым людям. Лев Толстой видит причину всех бедствий в идее «государственности», утверждая, что «...всякое правитель-

ство должно было поступить с духоборцами так или почти так, как поступило русское» (309). Но революционер-народник утверждает, что зверства, учиненные над духоборами, порождены особенностями политического строя России. Он подчеркивает, что позор за все эти злодеяния «ложится целиком на русское правительство» (310). Ему чужда политика того государственного устройства, для которого критическое отношение человека, в данном случае к государственной религии, является преступлением.

Более подробно Степняк анализирует предисловие Л. Н. Толстого к книге Е. И. Попова «Жизнь и смерть Евдокима Никитича Дрожжина». Влияние Толстого на умы, его популярность, авторитет способствовали распространению реакционного учения о непротивлении злу насилем. Книга о Дрожжине привлекла внимание Толстого фигурой ее главного героя, исповедовавшего идею непротivления злу насилем. Но кто же такой Дрожжин? Выходец из крестьян, учитель, человек большого ума и сердца, интеллигент. Свою деятельность начал как революционер. В 1889 году он был схвачен жандармами и заключен в Харьковскую тюрьму. После заточения, лишенный учительского звания, был призван в армию, но отказался от исполнения воинской повинности.

Степняка заинтересовало не обоснование Толстым правильности отказа от военной службы («Все это (насилие) держится войском. Войско же состоит из солдат. Солдаты же мы сами. Не будь солдат и ничего этого не будет») (316). Кравчинский стремится вскрыть «внутреннюю психологию того полурелигиозного, полусоциального движения» (310), которое было связано в России с именем Л. Толстого. Сначала он выясняет: был ли Е. Н. Дрожжин истинным и до конца последовательным сторонником идеи непротivления? Степняк утверждает, что Дрожжин не был таковым. Для него характерно было чувство ненависти к своим мучителям, жестоким и бездарным людям. И слова его: «А где это Пугачевы на этих людей? Если бы знал, сейчас бы к ним ушел!» (311) — вряд ли согласуются с идеей ненасилия. Не может он считать угнетателей своими братьями. Он видит четкую грань между добром и злом, между врагом и другом. Кравчинский утверждает, что идея толстовства не была органической потребностью характера Дрожжина. Он представлял ее иначе, нежели Толстой и толстовцы. Дрожжин много передумал. Он пережил борьбу внутренних противоречий, нравственных мучений. Степняк указывает на тот факт, что борьба эта так терзала сердце Е. Н. Дрожжина, что физические страдания, испытываемые им, были для него своеобразной отдушиной. И, в конечном счете, он принимает толстовскую идею, но не душой, сердцем, а лишь рассудком, разумом. Он был человек, «а хотел превратить себя в овечку и не смог, и пропал задаром» (314).

А может быть, все это делалось ради конечного выигрыша? Но тогда возникает другой вопрос: а реален ли такой путь? Из года в год масса солдат практиковала теорию непротivления, но перемен не происходило. Могли ли они, мог ли Дрожжин смягчить своими страданиями, обратить в собственную веру своих мучителей? А не является ли пропаганда подобных мучений (в основе своей страшных и бессмысленных) жестокостью и злобой по отношению к отдельному человеку и к людям как обществу?

Обратить на себя и свои страдания внимание офицера, издевающегося над тобой? Дрожжин не раз убеждался, что это нереально. Обратить внимание тирана, стоящего у власти? Но теперь, по мысли Толстого, «распоряжается людьми не верховная власть, а ее служители» (315). По словам Степняка, — это огромный стальной механизм без жалости, сострадания, чувств, «многоголовый автомат». Так сколько же нужно жертв для того, чтобы добраться «до души и сердца автомата, машины, у которой нет ни того, ни другого?» (316). Борьба против отдельных единиц, автомата? А нужна ли борьба одиночек? Не вернее ли будет борьба против «известных вредных общественных форм» (316)?

Точка зрения Л. Н. Толстого вызывает серьезные возражения революционера-народника. Идея непротivления злу насилем, восхваление жизни человека, поломавшего себе ребра в жерновах огромной государственной машины, которую он хотел остановить своими страданиями и смертью, чужда Кравчинскому. Глубоко уважая великого писателя, он не может поступиться собственными идеалами и выступает как идейный противник Льва Толстого.

С. М. Кравчинский отдает должное авторитету великого русского писателя. Его привлекает смелая, открытая критика Толстым официальной власти, которая «как нечто достойное уважения, высокое и, главное, нечто определенное и цельное, совершенно уничтожилась и нет никакой возможности восстановить ее» (314). Так следует ли, спрашивает Л. Н. Толстой, «повиноваться» ее служителям, «когда требования их явно дурны и вредны?» (315). Полностью соглашаясь с Толстым — обличителем самовластья, Степняк-Кравчинский отвергает толстовские способы воздействия на сильных мира сего. Те средства борьбы со злом, которые предлагает писатель, не могут принести желаемых результатов. Для революционера-народника предпочтительнее «политический и революционный» путь борьбы. Он глубоко верит в истинность этого пути. Борьба для него является необходимым условием «органического роста общества» (316). Основания для недовольства государственной властью России у Л. Н. Толстого и С. М. Степняка-Кравчинского были общие. Однако пути разрешения конфликта они предлагали различные.

С 1888 года С. М. Степняк-Кравчинский читает лекции о творчестве Льва Толстого в Англии, в 1891 году — в Соединенных Штатах Америки. Он готовит к печати две статьи о Толстом. Одна из них, «Свет России», написана по заказу на английском языке и опубликована 10 июня 1889 года. Другая, «Граф Толстой как писатель и социальный реформатор», над которой Кравчинский работал в январе—апреле 1891, осталась незаконченной. Обе статьи рассчитаны на западного читателя. В них автор стремится объяснить некоторые взгляды писателя, особенности его художественного гения, сравнить его творчество с творчеством хорошо знакомых зарубежному читателю писателей (Уильям Фрей, И. С. Тургенев). Так, имя И. С. Тургенева дает возможность Степняку раскрыть две характерные, по его мнению, черты творческого метода Льва Толстого. Во-первых, «...оба наших великих писателя национальны». Во-вторых, в Тургеневе Кравчинский видит выразителя западного, европейского элемента. Толстой же — «самый полный выразитель противоположной стихии — того восточного элемента, который хоть и изживаете понемногу, но все еще пока преобладает среди миллионов русских крестьян»³ (выделено нами — Н. Б.). Таким образом, С. М. Степняк-Кравчинский одним из первых увидел в Толстом выразителя взглядов многомиллионной массы крестьянства. Толстой судит действительность именем русского мужика, труженика. Именно в нем он видит истинную правду.

В статьях «Свет России» и «Граф Толстой как писатель и социальный реформатор» анализируются отдельные стороны мировоззренческой и творческой позиций писателя. Любопытная параллель прослеживается в этих работах. Степняк показывает читателю Л. Н. Толстого как писателя, снискавшего себе славу замечательными произведениями, и как пророка, проповедника новой религии. Какой он ближе читателю России и Запада? На что обращают особое внимание те и другие? Для западного читателя Л. Толстой состоялся вначале как проповедник новой религии, число увлекшихся которой превышало число тех, кто стал ее последователем. Толстовские работы «Исповедь» и «В чем моя вера?» удивили, поразили зарубежного читателя. Необычным был и новый образ жизни писателя, тащавшего сапоги, работавшего в поле. В России же, знавшей и видевшей массу примеров «самопожертвования и страдания во имя идей» (547), на это не обратили столь пристального

внимания. Для России Толстой был прежде всего великим мастером слова.

Отказ от собственности, которая, по словам Л. Толстого, «...дурна сама по себе... греховна и безнравственна, как таковая, а не потому, что находится в руках немногих» (547), вылившийся в нашумевшее дело с изданием «Смерти Ивана Ильича», дал повод, чтобы больно «уколоть» его. Двусмысленность положения (имение отдано жене и детям, но он живет с ними) страшно мучила Льва Николаевича. Суд над самим собой был гораздо тяжелее суда некоторых литераторов. Теория и практика разошлись. Религиозная основа, на которой строилась идея непротивления, не смогла завербовать новых поклонников. Все это было еще одним доказательством половинчатости, ограниченности учения. Толстой, утверждает Степняк, «отрицает собственность как сектант, а не как социальный реформатор», ему «не всегда удается подчинить свою мужественную страстную натуру требованиям абсолютной апатии». Более того, Степняк называет эту «абсолютную апатию» «неотъемлемой частью его учения о непротивлении злу» (548).

Итак, познакомившись с Толстым-пророком, западный читатель стремился найти ответы на вопросы, волновавшие его. Последовало увлечение Толстым-писателем. По мнению Степняка, в творениях Толстого-художника прежде всего нашли отражение его мысли, идеалы и своеобразие так называемого «восточного элемента»: «искусственное обособление духовного от телесного, создание своего рода тепличных условий для развития духа до пределов, в естественных условиях недостижимых», которое «само по себе... неспособно создать ничего, кроме безнадежности и мертвого застоя» (553). Этот восточный квиетизм — своеобразное и оригинальное объяснение мировоззренческой позиции гениального писателя, которая отразилась в его художественном творчестве.

Художник и пророк. Вот две грани Толстого, интересующие Кравчинского. Он пытается объяснить, когда же в нем «перевесил» пророк. И можно ли утверждать, что Толстой как пророк «состоялся» лишь в 80-е годы? Нет. Уже в ранних произведениях («Казак», «Поликушка», «Семейное счастье»), по мысли автора статьи, «обнаруживается та же философия, которая позднее выступит на первый план. Она обнаруживается и в сердитых выпадах против цивилизации, и в тяге к чему-то лежащему за пределами интеллектуальных стремлений человека» (553).

Открытое обличение паразитизма власть имущих, разоблачение морали буржуазного общества, страстная защита интересов народа, стремление найти правду жизни — вот чем прежде всего значим для Кравчинского Л. Н. Толстой. Великий русский писатель находился в постоянных поисках правды. Но, являясь выразителем взглядов миллионов русских крестьян, видел социальную перспективу искаженно. Его христианскую утопию понял и осудил Степняк. Он увидел в философии Толстого пассивно-созерцательное отношение к жизни, отказ от активной деятельности, призыв к движению назад, в прошлое.

В раздумьях о Л. Н. Толстом революционер и писатель С. М. Степняк-Кравчинский во многом оказался прав. Он был убежден, что творчество Льва Николаевича Толстого «останется в веках и всегда будет вызывать восторг и восхищение, возбуждать вдохновение и будить мысль» (559). Сергей Михайлович Степняк-Кравчинский говорил о себе: «Для меня литература — то же поле битвы». И этот его девиз наглядно проявился в статьях о жизни и творчестве гениального соотечественника.

¹ Литературное наследство.— М., 1965, т. 75, кн. 1, с. 552.

² Литературное наследство.— М., 1961, т. 69, кн. 2, с. 308. Дальнейшие ссылки на это издание даются в тексте статьи с указанием страницы (в скобках).

³ Литературное наследство — М., 1965, т. 75, кн. 1, с. 552. Дальнейшие ссылки на это издание даются в тексте статьи.